

18+

ЛИНА КИРИЛЛОВЫХ

Как показывают в кино

Лина Кирилловых

Как показывают в кино

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65632252

ISBN 9785005393081

Аннотация

О таком часто фильмы снимают: как вваливается в размеренную жизнь из ниоткуда человек, и всё у всех переворачивает с ног на голову. Только Юлька, новая соседка Дениса, оказалась очень даже всамделишной – и считающей, что в жизни обитателей обычного двора обычного микрорайона давно пора что-то менять.

Как показывают в кино

Лина Кирилловых

© Лина Кирилловых, 2021

ISBN 978-5-0053-9308-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1.

А появилась она ровно так, как показывают в кино. Только не с пистолетом. Раскрутила над головой пакет и вмазала Батату по спине. Тот споткнулся на ровном месте и квакнул – издал рваный звук, в который преобразовалось «ай». Ордынцы замерли в шоке. Денис, признаться, тоже. Грязь испачкала брюки, и нога, ушибленная, когда Батат с гыгыканьем толкнул Дениса в грудь и опрокинул, ныла, обещая здоровенный синяк. Сидя на мокром асфальте в привычной униженной позе, Денис видел прекрасно: девчонка. Худая, кудрявая, светлая. С белым пакетом из «Двойки». Девчонка была незнакомой – Батату, видимо, тоже. Батат глупо лупал глазами. Стегляшка, мелкий ордынец, хихикнул. Он допустил ужасную ошибку – увидел в ситуации весёлое. Гвоздь дёрнул его за рукав. Лист-летописец тупо глядел на блокнот, не зная, как протоколировать случившееся. Денис привычно

ощущал себя зрителем. Нездешне, странно было: так много раз он пытался удрать и получал от Орды затрещины, но никогда никто не заступался за него и не переключал внимание врагов. Не помогал. Батат протянул «Э-э-э», обращаясь не к девчонке – к Стекляшке. Тот, запоздало поняв, крепко зажал ладонями рот. Девчонка снова крутанула пакет, где лежало нечто увесистое. Её отправили в «Двойку», просто отправили в магазин, она вышла, купив, и, возвращаясь двором... Девчонка громко хмыкнула. Ордынцы непроизвольно подпрыгнули. Батат тарашился. Сегодня для него тоже случилось «никто, никогда, как же так, так бывает?». Батат безраздельно царил в этих дворовых владениях. Был внушающим страх и трепет диктатором.

– Ты... ты чего?! Ты чего, а?

Девчонка смотрела насмешливо.

– Легко представить себя крутым, – её голос звучал очень звонко, – когда нападаешь на одного человека толпой. Но ты уже не крут, когда тебя побил девчонка. Такая же у вас логика, первобытные вы создания. Верно?

– А? – челюсть Батата отвисла.

– Пещерные дикари. С мозгами, как у дождевого червяка. Убогие. Да, я тебя побил. А твои трусливые подлизы, – девчонка кивнула, – всё видели. Вы видели, так?

– М-нэ-э, – отозвался сквозь пальцы Стекляшка.

– Трус – вот! – внезапно взвился Гвоздь. – Вот, на асфальте валяется! Он не может постоять за себя, только ноет. Он...

– Труссы, слабаки и рохли сбиваются в стадо, которому нужен вожак.

Девчонка победно упёрла руки в бока. Пакет висел тяжёлой смертоносной гирей. Гвоздь был выше девчонки на полголовы, а Батат – и подавно. Денис заворожённо смотрел. Он как-то забыл, что стал причиной создавшейся ситуации. Батат всхрипнул, побагровел, налился злостью до самой макушки, переступил на месте, как бык, и оскалился. Ордынцы заворчали, окончательно осознав оскорбление. Готовилось нечто страшное – готовилось и оборвалось.

Из кустов сирени на дорожку с хрюканьем вкатился удерживаемый поводком Колобок.

– Дети... Что тут происходит? – грозно загудела тётя Нина, переваливаясь вслед за Колобком. Дородная, суровая тётя Нина, от которой и дядя Валера, её неудачливый муж, прятался, когда собирался курить. Тётя Нина напоминала японского борца сумо. Удушающий запах духов, торопящийся вперед тётя Нины, тоже грозил, как оружие. Денис был спасён – и незнакомка с пакетом.

– Денис поскользнулся на банановой шкурке, – Батат, мигом надев подходящую для общения со взрослыми маску, горестно развёл руками.

– Чушь! – громко сказала девчонка.

Тётя Нина вздрогнула. Этот звонкий голос был и ей в новинку. Оглядев девчонку с ног до головы, она вопросительно вздёрнула бровь. Брови тётя Нина жирно, ложно рисова-

ла поверх своих собственных. Колобок, восторженно хрипя, обнюхал Дениса и облизывал ему всё лицо. Денис встряхнулся, глядя на девчонку: не говори, не надо!

– Его толкнули, – указала Юлька.

– Кто? Зачем? – пробасила тётя Нина.

– Толкнул вот этот, который у них вроде главный. Помому, им всем просто нравится издеваться над кем-нибудь, пока не видят родители.

– Денис, это правда?

Тот отвёл взгляд.

– Василий, – начала тётя Нина.

Батат задёргался и замахал руками, как мельница.

– Врёт! Я даже не знаю, кто она и откуда!

– Батат, – прошипел тихо Гвоздь. – Нам лучше отступить...

– Замолчи! Откуда ты взялась, такая умная? – Батат навис над девчонкой, искривив в негодовании рот. – Я никогда тебя раньше не видел! Пришла и выдумываешь! Это наш двор! Ты... Ты если обиделась, что мы не играем с тобой, то это твои проблемы, вот!

– Ох, дети, – потеряла интерес тётя Нина. Колобок уже рвался дальше – к привлекательным до невозможности шинам, вкопанным вокруг площадки для мелких. Шины полагалось пометить. – Играйте, как цивилизованные люди, и не ссорьтесь. Не надо друг друга толкать. Что до тебя, Василий... Девочка к нам вчера переехала. В третий подъезд.

Я видела, как грузчики таскали вещи. Так?

– Да. Вчера, – ответила девчонка, мило улыбаясь.

– Вы с мамой и папой приехали на такси, – довольная своей наблюдательностью, продолжила тётя Нина. – И как твоё имя, блондиночка?

– Юлька. Я просто русая. А он, – обрётшая имя девчонка указала пакетом. – Он что, правда Васька?

Батат поморщился.

– Ну да. Васька как есть.

Блондиночка – русая – Юлька захохотала.

И смех зазвенел водопадом, ударил хрустальными брызгами, рассыпался и зажурчал – как будто в дворовых, привычных, до распоследней веточки знакомых зарослях сирени, которую уже ободрали, раскинулись вдруг джунгли, где и ручьи, и водопады, и дожди звучат, как дивный музыкальный инструмент. Ордынцев ослепило. И Батата. Сам же Денис оглох, кажется. Одна лишь тётя Нина – взрослая – не слышала магии, просто стояла. Её парашютный, салатово-жёлтый халат пестрел и пах цветами тропиков. Фырчащий Колобок мог бы быть притаившимся тигром. Тётя Нина неверно поняла Юлькин смех – что все помирились, и всё хорошо, но смех сделал нечто нездешнее. Денис – так пугающе чётко – вдруг ощутил внутри счастье.

– Играйте, – повторила тётя Нина. – Я пойду.

Колобок утащил её на площадку. По подъездной дороге медленно прополз автомобиль, едко чихнул выхлопом, за-

дребезжал. Старушечий голос обругал автомобиль: «Окаянный!». Метла заговорила – шурх-шурх. Волшебство пропало. Денис неловко встал и вытер руки о футболку. Батат и ордынцы молчали. Юлька зашелестела пакетом. Где-то выше, к синему небу вдоль стен старой панельки, открылось со скрипом окно.

– Юля, – позвал женский голос.

– Иду! – Юлька бодро отозвалась и взмахнула своей носшей в воздухе. В пакете булькнуло. Отчего-то Денис услышал это только сейчас. Потом – эй! – Юлька, подавшись вперёд, крепко схватила Дениса свободной рукой за запястье. – Только я с другом. Можно, он попьёт с нами чай?

В вышине завозились и стукнули.

– Ты с кем-то уже познакомилась?

– Да, – Денис, выдернутый Юлькой из кружка ордынцев, лишь оторопело моргал.

– Ну... хорошо. Давай, ждём!

– Куда, – проблеял Батат.

– Пока, Картошка, – попрощалась Юлька.

Орда застыла в пятнах солнечного света – на вымытом грозой асфальте, окостеневшая в карикатурных изломанных позах, как в театре, поверженная за сегодня дважды, и это явно было для кого-то из них чересчур. Денис подумал: «Червяки». Юлька влекла его, как пушинку. Кудрявая, вся сияющая. Он тоже был выше её на полголовы. И не знал ничего, кроме «Юлька» и «третий подъезд». Что-то гулко бу-

хало, даже грохотало. Сердце.

– Мама, увы, заставит тебя вымыть руки, – сказала Юлька, не оборачиваясь.

– Сначала я решила, что так, «Батат», его называли родители. Ну, понимаешь, если у людей чувство юмора... А потом дирижабль-тётушка сказала, что он Васька. Просто Васька, который придумал себе кличку – Картошка! Ой, умора... Сдаётся мне, тут жить довольно весело.

– Гм, – выдавил Денис.

– Батат – это же картошка, ты знаешь? – Юлька смотрела на него очень внимательно. Странно так: только что валялся в лужах, но перед новой знакомой ударять в грязь лицом не хотелось. Нет, Денис не знал. До этой встречи.

– Да. Только сам Батат не в курсе. Дурак... Он полагает, это имя монгольского хана.

– Раз дурак, то почему ты позволяешь ему над тобой издеваться?

Повсюду громоздились коробки. Привезённые издалека в эту квартиру на последнем пятом этаже вещицы – ещё скрывающиеся в темноте под картоном и скотчем, пахнущие совсем другим жилищем. На полу – в коридоре, на кухне. На подоконнике и табуретках. Цветные и песочно-коричневые, некоторые будто бы с почтовым штампом. А в пакете, оказывается, Юлька несла минералку. Тёмно-зелёную полуторалитровую бутылку. Минеральную воду сразу забрала Юлькина мама. Черноволосая, на Юльку не особо похожая.

На столе стояли приготовленные к чаепитию чашки – красные, в белый горошек. Мама Юльки унесла тёмно-зелёную бутылку, прикрыв за собой дверь кухни.

– Минералка для папы. Ему нездоровится.

– Болеет? – Денис удивился. Но минеральная вода вроде бы полезна для желудка.

– Почти. Так тоже можно сказать.

Юлька аккуратно отпихнула одну из коробок ногой и усе-лась на табуретку.

– Пей чай, – велела новая знакомая. – Мама специально искала заварку.

Юлькина мама про руки ничего не сказала, оставив предостережение несбывшимся. Но Денис всё равно тщательно вымыл их в раковине. Куском хозяйственного мыла, от которого все ссадины взбунтовались и защипали. И даже попытался оттереть грязные пятна на брюках. Солнце косо ложилось на оставшийся от предыдущих владельцев выгоревший желтоватый линолеум. Необжитая квартира с духом замерших, нераспакованных вещей воспринималась иностранной территорией. Тут рождалось что-то, вот прямо сейчас – другие правила, законы, порядки.

– Пей.

Чай дымился. Денис поспешно кивнул.

И остались от прежних ещё табуретки – кособокие и шатучие, гудящий, как самолёт при взлёте, холодильник в пятнах ржавчины, остались старые полки и этот исцарапанный

стол, на котором будто бы постоянно резали хлеб и овощи без разделочной доски. Что-то дряхлое, стариковское, но Денис не мог вспомнить, кто здесь раньше жил и как долго. Да это и не являлось важным. Теперь здесь жила – Юлька. Солнце золотило её волосы. Бледное лицо ещё не загорело. Всё на нём было маленьким, кроме громадных темнеющих глаз – цветом один в один чай, который всплёскивал в чашке, иноземный загадочный чай с земляным терпким привкусом. Юлькина мама, зайдя в одну из комнат, заговорила там вполголоса, и ей ответил, судя по всему, болеющий Юлькин отец. Денис поджал ступни в дырявых носках.

– Так почему?

Он не хотел делиться.

– Потому что.

Глиняный кот таранился сквозь дырку в обувной коробке. Статуэтка, наверное. Денису стало тоскливо. Юлька проследила взгляд Дениса, покачала головой. Солнечные кудряшки топорщились. В чисто вымытом небе штрихом проскользила ворона. Трепетали листья деревьев. По натянутым проводам бегал ветер. Лето как-то мгновенно пришло.

– Им надоест когда-нибудь, – сказал Денис бесцветно. – Просто надоест. Они отстанут. Всё.

– Я поняла тебя.

– В смысле?

– Ты как этот кот. Он достался маме от бабушки, кстати... Вот. Ты – сидишь в коробке.

– Я – что? Чего?

– Нет, ты не трус. Пусть эти... ордынцы и утверждают обратное. Ты спрятался, вот в чём дело. Закрылся. И смотришь на свою жизнь со стороны. Через дырку в дурацком картоне.

– А я тебя не понимаю.

– Разумеется, – и Юлька хитро фыркнула. – Мы познакомились всего – сколько там? Пять минут назад? Десять? Но ты – у меня в гостях. Ты пьёшь мой чай.

– Вы переехали вчера, – повторил Денис слова тёти Нины.

– О да. Мы чужаки и пришлые, – Юлька глядела поверх белых горошин на чашке. – И мы приехали, чтобы встряхнуть это болото. Вот, Денис.

– Чего? – тот чуть не подавился чаем.

– Да я шучу! И правда, с вами будет забавно.

– Ну, Юля...

– Юлька, – она поправила. – Я – только Юлька. Не Юля. И не Юлечка. Двор зря вчера пытался быть сонно-тихим. Знаешь, какой он по вечерам? Много-много окошек. И в каждом – проблемы, – бездонно-чайные глаза горели. – Вы, бедолаги... И ты. И эта шайка. И дирижабль-тётушка. И её толстый пёс. Как интересно: бабушка говорила, что человек – это книга.

Денис закашлялся. Где-то за стенкой папа Юльки лечился целебной минеральной водой.

– Вот только я люблю энциклопедии чуть больше. Не знаю, в какой из коробок искать... Придётся их читать

по памяти. Или в окружающем.

– Как это?

Юлька опять рассмеялась.

– Переносить прочитанное в жизнь.

2.

Дядя Валера осматривался. Он смешно двигал носом – багровым и прячущимся в усах. В руке дядя Валера сжимал заботливо закутанную в тряпку прямоугольную маленькую пачку. Так со стороны казалось, что дядя Валера снял с сушилки во дворе свой носовой платок, например, или носки – и несёт домой. Хозяйственный! Так казалось ещё, что тёте Нине с ним повезло невероятно. Юлька, впрочем, готова была проверять всё с суровой дотошностью.

– Стоп!

Дядя Валера подпрыгнул.

– А. Девчушка. Девочка, – он выдохнул с облегчением.

– Нет, – Юлька нахмурилась.

– Привет, дядь Валер, – Денис подошёл, поздоровался.

– Ты не пугай, – обратился дядя Валера к насупленной Юльке. – Я думал, Нинуля...

– Вы от неё скрываетесь.

– Тут дело в чём...

– Ваша дурная привычка, – Юлька ткнула пальцем. – Курение.

Дядя Валера заозирался. Порыжевшая от дождей, вся облезлая выбивалка, на которой хозяйки, вооружённые палка-

ми, лупили, избавляя от пыли, половики, ковры, коврики, шторы, занавески, возвышалась его бастионом, ограждала, как крепостная стена. Отцветшие одуванчики десантировались семенами. Гигантские лопухи вздымались. И выдавали – жестяной баночкой из-под кофе, упрятанной не до конца под листья. Баночка была полна окурков. «Шпион попался», – подумал Денис. Но он дяде Валере сочувствовал.

– Увы, – признал дядя Валера.

– Я вижу в этом причину, по которой вы бродите у выбивалки. Я часто наблюдала из окна. Пятый этаж. Вы как на ладони.

– Наверное. Да. Хорошо, что Нинуля на третьем...

– Вы ведь её любите. Так?

Дядя Валера смутился.

– Моя фрикаделька... Она очень сердится, когда застаёт меня курящим. Я не хочу с ней ссориться. Ох...

Юлька почесала комариный укус на руке и прищурилась.

– У неё ведь тоже есть какие-то привычки?

– Есть, – дядя Валера вздохнул.

– Расскажите о них.

– Ну... Она любит селёдку.

– Солёную селёдку?

– Копчёную. Ест варенье банками. И салат с майонезом.

Но это не то? – дядя Валера задумался. – Да! Поливается духами с ног до головы – мамочки! В доме не продохнуть. Поэтому я и гуляю. Да, я курю, – дядя Валера встопорщил

усы. – Кто же из нас безгрешен?

– Причина. Следствие, – сказала Юлька.

– А?

– Я поняла, – она пояснила, как с кафедры, – в чём ваша проблема.

Денис неловко хмыкнул. Но дядя Валера – внезапно – не требовал объяснений. Он уставился на деятельно поднявшую палец Юльку с надеждой. Высокий, костистый, нескладный и взрослый дядя Валера. Он привозил с рыбалки на реке огромных щук – но не умел справляться с гневом и духами тёти Нины. И Колобок ещё... Что – Колобок? Денис видел в том очень довольного своей жизнью пса. Пускай и вечно хрюкающего.

– Запахи. Порой они используются, чтобы заглушить друг друга.

– Да?

– Да. Тётя Нина душит, потому что не переносит табак.

– Я знаю, что не переносит. Она же ругается!

– Нет, дело не в этом, – продолжила Юлька. – В её духах. Они помогают терпеть. Вы понимаете? Терпеть табачный запах. А почему она терпит?

– Моя фрикаделечка, – дядя Валера гордо выпрямил плечи, – тоже меня очень любит!

– Конечно, – сказала Юлька с безмятежной ясностью. – Иначе выгнала бы жить под эту выбивалку.

Дядя Валера икнул.

– А вы сбегаете гулять от запаха духов и курите. Приходите домой, и тётя Нина чувствует табак. Она ругается... или, устав ругаться, ничего не говорит. Только берёт свой заветный флакончик...

– Ой. Ой, – сказал дядя Валера.

– Я как-то заметил, что у Стекляшки слезятся глаза, когда тётя Нина проходит перед ним по улице, – добавил невпопад Денис. – Не то, чтобы меня это трогало... Но вот Батат, он плакс в Орду не принимает. А тут Стекляшка. Который на краю балансирует.

– Ша, – оборвала его Юлька. – Не может быть так, – она обратилась опять к дяде Валере, – чтобы по собственной искренней воле хотелось травить ароматами Франции всяких Стекляшек...

– Нинуля не такая. Не злыдня, – уныло подтвердил дядя Валера.

– Ну, вот. И думайте, – волшебный Юлькин чайный взгляд был строг, но справедлив.

Дядя Валера кивнул. И покосился на зажатую в кулаке пачку.

Тётя Нина благоухала. На каком-нибудь поле войны она скосила бы своим появлением армию – не только противника, но и свою, и так вышла бы ничья. И историкам бы было очень скучно. Присевший у её ног Колобок широко, с поскуливанием зевнул. За обшарпанной, некогда жёлтой скамейкой раскинулись клумбы. Юлька спросила у тёти Нины гла-

зами: «Можно?». Тётя Нина подвинулась. Денис сделал вид, что он тут, у подъездной двери, просто так топчется. Якобы не при делах. Под подвальной дыркой стояла пластиковая миска. Из подвала должно было пахнуть котами и сыростью, а от миски – кошачьей едой, но тётя Нина же...

– Это ведь французские духи? – спросила Юлька.

– Наверное, – тётя Нина одёрнула яркий халат.

– Или, может, корейские?

– Может.

– Или американские?

– Да!

– Они – опасны, тётя Нина.

– Что?

Юлька погладила Колобка по макушке. Тот вывалил длиннющий язык и зажмурился. Тётя Нина выглядела озадаченной. Даже аляповатые цветы на халате как будто застыли в раздумьях. Юлька убрала кудряшки за уши и сложила руки на коленях. Ногти она обрезала неровно.

– Беда. Большие беды, – голос Юльки был скорбен, – приносит иногда красота...

– Э?

– Красота, говорю, тётя Нина.

Денис с большим трудом сдержал фырк.

– Вам, разумеется, очень идёт. Но я – и не могу это скрыть – опасаясь...

Брови тёти Нины залезли на лоб.

– ... что у него – аллергия, – закончила мягко Юлька.

– А... У кого?

– У вашего дяди Валеры.

– Как так?

– Бывает. И на духи. И на цветы. И даже на собак...

– Как так, – ошеломлённая тетя Нина моргала.

– И он не говорит вам. Потому что любит. Он вечно держит в руках носовой платок. Или это носок... Гм, что попадётся, полагаю. Вот. Всё это очень печально.

– Он бегает курить на улицу, – тётя Нина услышала что-то неладное между строк.

– Да, ведь дым, как бы это сказать... прочищает носовые ходы, – Юлька читала в энциклопедии или придумала? – Дядя Валера – хороший. Он просто не хочет расстраивать вас аллергией. Но я-то вижу – из своего окна, у меня всё-таки пятый этаж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.